

Олег Кодола

Populus labyrinthus

Люди из лабиринта

Олег Кодола

**Populus labyrinthus.
Люди из лабиринта**

«Издательские решения»

Кодола О. Е.

Populus labyrinthus. Люди из лабиринта / О. Е. Кодола —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513027-3

Автор рассматривает эволюцию человека как череду критических адаптаций; чувство веры — как механизм социализации; обрядовые системы (независимо от их религиозной принадлежности) — как метод социальной идентификации; а лабиринты, распространённые по всему миру, — как простейший способ достижения изменённых состояний сознания. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-00-513027-3

© Кодола О. Е.
© Издательские решения

Содержание

От имитации к сомнению	6
Введение	6
Эволюция и адаптация	9
Пред-люди: от австролопитека до хабилиса	11
Почти-люди: от эргастера к неандертальцам	14
Люди: кроманьонцы и мы	20
Начала цивилизации	23
Два алгоритма – вера и сомнение	27
Сунгирь: социум, верования, речь	29
Разум и лабиринты	32
История изучения северных лабиринтов	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Populus labyrinthus

Люди из лабиринта

Олег Евгеньевич Кодола

© Олег Евгеньевич Кодола, 2020

ISBN 978-5-0051-3027-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От имитации к сомнению

Введение

Не стоит искать знания в будущем; известный персонаж американского писателя-антрополога говаривал: «будущего нет, будущее – это просто способ разговаривать». Искать знания в настоящем трудно: настоящее буднично и требует не столько знаний, сколько реакций. Поэтому люди предпочитают искать в прошлом: кажется, что найденное в прошлом сделает лучше настоящее и объяснит будущее.

Мне случилось быть тем, кому нравится участвовать в настоящем. Я бродил по Большеземельской тундре и Полярному Уралу; ходил пешком от Петербурга до Перми; стал действительным членом Русского географического общества; собирал и водил поисковые экспедиции в Ловозёрские тундры; организовал летний лагерь для поисковиков на берегу Ладоги... В 2002 году мне довелось быть участником занятой экспедиции Русского Географического Общества, приехавшей на Соловки ради лабиринтов.

Представим гипотетическую ситуацию: человека зрелого возраста, незнакомого ни с одним религиозным или философским течением. Он впервые познакомился с догматами некой религии, согласился с ними и решил пройти обряд посвящения. Видимо, до момента знакомства с религией его можно считать человеком «не-верующим». Пройдя обряд посвящения, он должен превратиться в человека «верующего». Мы предполагали, что это изменение (или наступление состояния) можно рассчитать, вычислить и измерить. Упрощённо вопрос звучал так: «что происходит с организмом человека при прохождении лабиринта»?

Оглянуться не успел – и заключил контракт на Соловках в должности, расшифровка которой чуть длиннее полного имени Пабло Пикассо: заведующий отделом/музейным комплексом «Заяцкие острова» в составе ФГУК СГИАПМЗ.¹

Большой Заяцкий остров занимает площадь 1,25 квадратного километра. Этот клочок суши известен тем, что здесь находится крупнейшая, самая изученная, но и самая спорная часть соловецкого археологического наследия: каменные кучи, символические каменные кладки и каменные же лабиринты. Таким образом, «размышлять о лабиринтах» вошло в мои обязанности на два года по контракту, а после превратилось в хобби.

Экспедиция возвращалась каждый год, её бессменным организатором была Ирина Владимировна Архипова,² привлекавшая замечательных специалистов из различных областей науки.

Первые полевые медицинские исследования проводила доктор медицинских наук Касинья Валентиновна Ярёмченко. Начинали с простого: замеры артериального давления испытуемых, пульса, скорости нервной реакции «до и после» прохождения лабиринта. Постепенно появлялись различные диагностические приборы, которые можно было использовать в полевых условиях: применяли диагностику Фолля, датчики газо-разрядной визуализации Короткова (ГРВ) – эти методы не считались строго научными, но они обрабатывали данные в рамках своих собственных алгоритмов, давая статистику, порой наталкивающую на неожиданные гипотезы или мысли.

---

¹ Полное имя Пабло Пикассо: Пабло Диего Хозе Франциско де Паула Хуан Непомукено Криспин Криспиано де ла Сантисима Тринидад Руиз и Пикасс, а ФГУК СГИАПМЗ – Федеральное государственное учреждение культуры «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

² Президент Международного кинофестиваля туристических фильмов «Золотая вершина», организатор международных научно-исследовательских экспедиций, пресс-атташе Федерации фристайла России (2002—2014).

В 2008 году научным руководителем экспедиции стал физиолог Ринад Султанович Минвалеев, кандидат биологических наук, сейчас – профессор СПбГУ. Экспедиция сконцентрировалась на изучении хладоустойчивости человека. Проводились ежегодные выезды в Гималаи и на архипелаг Кузова (в 24 километрах к западу от Большого Заяцкого, где также есть своё святилище с лабиринтами). В ход пошли классические медицинские эксперименты с полевыми заборами крови, появились нейроэнергоскоптеры (чудная программа, отображающая в онлайн-режиме картинку работы мозга, для многих и сейчас недоступная). В 2019 году в экспедиции использовали походные энцефалографы, и даже тибетские монахи согласились надеть на себя шапочку с электродами.

Справа на фото – Р. С. Минвалеев и И. В. Архипова

Интересной серией исследований стала попытка определения датировок различных археологических памятников Белого моря с помощью лихенометрических методик по росту колоний ризокарпоновых лишайников. Этими работами руководит кандидат биологических наук Иван Вячеславович Рудский (АНО «Лаборатория научных проектов»). Первые эксперименты, проведённые с образцами лишайников в лаборатории, позволили отточить методику, устранить возможные ошибки, и заложить вторую серию фотомониторинга колоний лишайника, результаты которой появятся не ранее 2028 года.

Наблюдая почти два десятка лет за своими коллегами по экспедиции – медиками, геологами, физиологами, геоморфологами, биологами, астрофизиками, ботаниками – я искал ответы на три классических вопроса, связанных с лабиринтами: когда, кто и зачем стал использовать сложную спиралевидную или лабиринтообразную символику, столь популярную во всём мире. Мои размышления лежали в областях археологии и палеоклиматологии, социально-культурной антропологии и этнологии, а также эволюции и генетики.

В этой книге мы подводим лишь промежуточный итог – познание не имеет окончания. Экспедиция продолжает действовать, серии исследований продолжаются, и, в конечном итоге, эта книга – ещё один камушек в общий рисунок лабиринта. Но для того, чтобы понять, отчего лабиринт стал так популярен, необходимо разобраться, какие модели поведения и алгоритмы

мышления превратили нас в самых эгоистичных и умных приматов, использующих сложнейшую символику, состоящую из множества исключительно умозрительных конструкций.

Эволюция и адаптация

Одна из главных причин, заставляющих человечество постоянно мигрировать и приспосабливаться – климатические изменения, возникающие по массе причин: природных, космических или антропогенных. Лев Гумилёв, при всей условности выдвинутой им «теории пассионарности», хорошо показал, как в изменившемся климате человек старается не изменять традиционному типу хозяйствования: если вы всю жизнь пасли табуны в степи, но много лет подряд льют дожди, степь превратилась в грязь с лужами, а кругом запрыгали квакающие твари, вы не научитесь есть лягушек, но возьмёте свои табуны и пойдёте искать новую родную степь. Исключения из этого ряда составляют катастрофы планетарного масштаба: они меняют среду моментально, вынуждая человека адаптироваться к совершенно новым условиям существования, полностью меняя сложившиеся модели поведения. Даже незначительные климатические колебания вызвали появление и крушение цивилизаций, приводили к рождению или уничтожению государств, закладывали начала культур и разрушали культурные общности, что уж говорить о катастрофических воздействиях.

Семьдесят четыре тысячи лет назад извержение супервулкана Тоба, произошедшее на Суматре, выбросив около 800 кубических километров пепла, резко понизило прозрачность атмосферы и привело к шестилетнему понижению среднегодовой температуры на 3—5 градусов Цельсия. Следы извержения Тоба находят от ЮАР до Гренландии. Спорят, было ли извержение причиной «бутылочного горлышка» – критического сокращения человеческой популяции, (1) или человечество всё же продолжало благополучно развиваться на приморских территориях. (2) Разноголосица вполне обоснованных исследований позволяет считать, что извержение Тоба резко снизило комфортность жизни на Земле, действуя катастрофически, особенно в близлежащих регионах; но далеко не везде. Те, кого катастрофа не затронула непосредственно, выживали в условиях моментального понижения среднегодовой температуры и резкого сокращения пищевой базы. Газопылевое облако, состоящее большей частью из диоксида серы, имеющего специфический, удушливый запах, несколько лет затемняло атмосферу Земли, поливая её кислотными дождями. Тем не менее, в условиях катастрофы изрядная (предположу, что меньшая) часть человечества выжила, то есть, адаптировалась. Речь, естественно, идёт о кратковременной физической адаптации. Если же, например, климат меняется «навсегда», или в ген человека в очередной раз встраивается часть вируса (как это, возможно, происходит в момент написания книги), физиологическая адаптация может закрепиться и превратиться в биологическую. Судя по средней частоте мутаций нашего гена, такое случается раз в 18—20 тысяч лет. Эволюция в широком смысле полностью укладывается в этот ёмкий термин – эволюция и есть непрерывная адаптация всех видов существ к меняющимся условиям.

Люси. Реконструкция. В. Дик

Пред-люди: от австралопитека до хабилиса

Первая критическая адаптация нашего вида произошла в конце эпохи австралопитеков. Австралопитек афарский, к коим принадлежала знаменитая Люси, с виду, был ещё совсем обезьяной, но уже человекообразной, наделённой современными «антропными» чертами. Только схожесть основных паттернов поведения объясняет мне, почему 2,5 миллиона лет назад австралопитек взял небольшую гальку весом в 250 грамм, похожую на «личину», и пронёс её с собой тридцать километров в пещеру, где временно проживал. (3)

Обычно такие находки относят к разряду «не представляющих археологический интерес», но их обилие на стоянках Олдувая (Танзания, около 1,8 миллионов лет назад) и Пампау (Германия, около 400 тысяч лет назад) говорит, по крайней мере, о не случайности этого явления. Таким образом, существует достаточное количество косвенных доказательств, что представителей вида Номо на протяжении эволюции притягивали образы, подобные собственному. Не здесь ли кроются зачатки современного антропоцентризма, в способности увидеть себя в деталях окружающего мира?

Галька-личина

Засуха в Африке началась около 2,8 и достигла максимума 1,8—1,6 млн. лет назад. За это время произошла очередная магнитная инверсия, в ходе которой полюса поменялись местами (2,58 – 1,8 млн. лет). Площадь лесов в Африке сокращалась, мир вокруг обсыхал и холодал, многие хищники и крупные травоядные вымерли. Резкая смена видов парнокопытных в Африке отчётливо видна два раза: 2,8 и 1,8 млн лет назад) (4). Где-то в это время восточноафриканские гоминиды разделились на две ветви. Предположу, что ветвь, лучше приспособленная к жизни в лесах, «выдавила» менее приспособленных сородичей и осталась есть фрукты. «Неудачники», были вынуждены адаптироваться к голодной жизни в зоне саванны, открытой всем ветрам, но именно они изобрели каменный инструмент. Возможно, первый камень был применён для раскалывания твёрдой скорлупы орехов, или костей, остававшихся на месте пиршества хищников. Одна из устоявшихся гипотез гласит, что дефицит белка, необходимого

для энергообеспечения «растущего» мозга, человекообразные могли восполнять падальничеством. Кроме того, источником белка могли служить червячки, жучки, ящерики и мелкая птица и кладки яиц: человек всеяден.

«В этот период «в мозге ранних Номо начали прогрессивно развиваться области, контролирующие у современного человека согласование устной речи и движений рук.» (5) То есть, определённые жесты начали связываться с определёнными звуками, вроде простейших команд: «беги/опасность» и «еда/безопасность». Первые Номо были классическими собирателями, выдвинутыми из леса: даже проживая в саванне, они сохраняли приверженность к «древесному» типу пищи. Изменение климата привело к гибели крупных хищников и освободило большую пищевую нишу: парнокопытных стало некому есть. Охота, как метод добычи еды, достоверно фиксируется у Номо значительно позже, но шимпанзе, как представители ветви, оставшейся в джунглях, чудесно охотятся; а язык эмоций многих современных животных достаточен для взаимодействия в группе.

Строение ноги Номо *habilis* указывает на развитое прямохождение: в поисках пищи он перемещался на большие расстояния и дошёл из Африки до Китая, где найдены его останки. Как начинающий турист, он научился сооружать примитивные укрытия от ветра, приваливая высокую траву и ветки камнями, создавая простейшую ветрозащиту.

С точки зрения эволюции каменного инструмента – это ранний ашель, когда для изготовления каменного бифаса (рубила) использовался основной камень (чаще – галька), у которого отщепами снимались «две фаски» (би-фас – буквально: два лица) и формировалась ударная часть (лезвие). Рубила были грубыми и асимметричными, мелкий каменный инструмент почти не использовался; но даже такими, простейшими с виду, рубилами группа хабилисов могла разделить тушу павшего мастодонта приблизительно за один рабочий день. Правда, от саблезубой кошки они были слабой защитой.

Почти-люди: от эргастера к неандертальцам

Окончательный отрыв от леса и выход на открытые пространства также был связан с резким изменением диеты. (6) Он привёл ко второй критической адаптации или окончательному «превращению» *Homo habilis* через *Homo ergaster* в *Homo erectus*. И если эргастер распространился только до Грузии (Дманиси), то эректусы были заядлыми путешественниками: фрагменты их скелетов найдены в Африке, Европе, Китае, Индии и на Яве. Мозг в этот период претерпевает существенные изменения: «развиваются зрительные центры затылочной доли. Был усилен сознательный контроль эмоций и, по всей видимости, выросли возможности памяти. Судя по развитию теменной доли, значительно развились тактильные возможности и намного улучшилась координация движений. Вероятно, прогрессивно развивались способности к речи.» (7)

Увеличение зрительных центров естественно: *Homo erectus* смотрели не только «вдаль и вширь», развивая дальность зрения; но и «в точку», развивая близорукость при изготовлении каменного инструмента. Контроль эмоций говорит о появлении таких черт, как усидчивость, спокойствие, терпение. Рост возможностей памяти отражает увеличение объёмов необходимой информации, расширяет горизонт планирования. Улучшение координации обусловлено повышением физической активности (стали больше ходить и бегать) и собственно, тому, что *erectus* постоянно делал инструмент, оценивая и улучшая его возможности. Способности речи позволяли координировать социальное поведение, осваивать новые пищевые ниши, новые модели охоты и передавать накопленный опыт в краткой форме. Возможно, загонная охота, основанная на слаженных действиях и криках загонщиков, появилась в это время. Она же обеспечивала кочевую модель поведения: стая эректусов достаточно быстро «выедала» близлежащую территорию и вынуждена была кочевать дальше, за пищей. Рубила постоянно совершенствовались и приобрели симметрию относительно длинной оси. Это время называют средним ашелем.

Первые свидетельства использования огня относятся к началу этого периода. Повсеместная аридизация (осушение) и похолодание, подтолкнули к поиску и освоению новых пищевых ниш, богатых белком. Белковая пища ускоряет метаболизм функциональных систем организма, что называется специфическое динамическое поведение пищи или термогенный эффект. Ускоренный метаболизм требовал более высокоэнергетической диеты. Замкнутый круг погони за едой превратил *Homo* в «супермигранта». Адаптация к любой еде означала адаптацию к любой местности и климату, что способствовало максимальной изменчивости нашего вида: от эскимосов или нганасанов, существующих в условиях ледяной Арктики, до бушменов Австралии.

Мощное ветвление нашей эволюции пришлось на период от *Homo erectus* до *Homo heidelbergensis*, чья форма мозга «свидетельствует о резком прогрессе в области контроля за движениями, в том числе способностей к прогнозированию и планированию своих будущих действий. Необходимо также отметить бурное развитие области, обеспечивающей согласование речи и движений рук, а также рельефное выступание зоны Брока, свидетельствующее о начале использования речи». (8) Гейдельбержец существовал от 800 до 130 тысяч лет назад, и его стоянки находят по всей западной Европе, включая Британские острова. В его время произошло два важных события: *Homo* освоили изготовление копий и около 400 тысяч лет назад стали повсеместно использовать огонь для обогрева. Кстати, первая гравировка орнамента в мире тоже относится «почти» к этому времени (около 500 тысяч лет назад), но сделана была на острове Ява, что наглядно демонстрирует общность эстетических предпочтений *Homo*, независимых от его географического распространения. Вероятно тогда же, но в Европе,

были изобретены сложносоставные орудия, где наконечник приклеивался к древку с помощью смол и (предположительно) закреплялся верёвкой.

Ява. Гравировка на раковине

Гейдельбержцы были первыми коренными европейцами, приспособленными к жизни в зонах умеренного климата, где была настоящая снежная зима. Вряд ли они проживали зимой в северных областях, но посещали их точно. Но самое странное, что именно человек гейдельбергский начал «массово выпускать» рубила, симметричные в трёх осях, имевшие больше эстетическое, чем практическое назначение. Это был поздний ашель, время, когда понимание «красоты» получило своё первое воплощение в виде симметрии. Часто центром симметрии выбирались красивые окаменевшие ракушки, отпечатки морского ежа.

Когда в пещере Sima de los Huesos (Атапуэрка, Испания) среди захоронений был найден редкой красоты и симметричности бифас из розового кварцита, романтично названный «Эскалибур», появились предположения о зачатках ритуального мышления у гейдельбержца.

Бифас. Кембриджский музей археологии и антропологии

Мне эта идея кажется излишней, поскольку находка может быть обусловлена физическими причинами. Как показали раскопки в пещере Терра-Амата, гейдельбержцы уже умели строить стационарные «шалашы» с кострищем у входа. (9) При этом обоняние человекообразных устроено так, что не выносит запаха гниющей мертвечины. Поэтому шестнадцатиметровая яма-расщелина, которую называют «пещерой», вполне могла быть санитарной свалкой, без демонстрации уважения к туловищу, лишь бы не пахло и не оскорбляло мои гейдельбержские обонятельные ощущения. Вполне возможно, что наши традиции захоронений, постепенно обросшие ритуальными сказками, берут своё начало из простейшего стремления гейдельбержцев к улучшению санитарных условий места проживания.

Обладали они речью или нет – неизвестно. Но генетические исследования показывают, что форма гена FOXP2, отвечающего за вокализацию у современных людей, появилась не позднее полумиллиона лет назад, практически одновременно с изобретением гравировки, копья и овладения огнём. Обезьяны не умеют использовать речь: их гортань не приспособлена к вокализации. (10) Тем не менее, шимпанзе Ушо, обучившись языку жестов, овладел словарём из 350 слов, а горилла Коко дошла до 1000 слов, составляя новые словесные конструкции для выражения собственных эмоций. Шутить, грустить, впадать в депрессию, гордиться, завидовать, проявлять широкий набор общечеловеческих эмоций современные обезьяны умеют. Наверняка это умели и гейдельбержцы.

Около 200 тысяч лет назад изменилась техника изготовления каменных орудий: из миллиона лет эпохи ашеля мы перешли в эпоху мустье, когда изготавливать орудия стали из отщепов от нуклеуса (основного камня), а сама техника отщепов стала тоньше. Эпоха мустье длилась всего около 170 тысяч лет и была своеобразным этапом «разгона» перед следующим скачком эволюции человека.

Всё это время на Ближнем Востоке, параллельно с гейдельбержцами, развивались неандертальцы (от раннего неандертальца до классического), которые также совершенствовали

свои умения в сфере обработки камня, охоты, устройства стоянок... Они стали расселяться в Европе, «в конце среднего плейстоцена, около 200 тысяч лет назад или, может быть, чуть раньше». (11)

Неандерталец и гейдельбержец заняли нишу «суперхищников» своего времени: основу их рациона составляло мясо, а основу жизни – охота. Возможно, мясная диета была следствием адаптации и восполняла высокие энергопотери в условиях холода. При этом неандертальцы были адаптированы к холоду анатомически: они были приземистыми и плотными, даже тучными, что позволяло лучше сохранять энергию тела. Интересно, что следы кострищ наблюдаются только на 1/3 стоянок неандертальца – либо они были настолько адаптированы к холоду, что могли обходиться вовсе без огня; либо... умели шить тёплую одежду из шкур. Возможно, две ветви человечества могли существовать параллельно, но около 130 тысяч лет назад началось очередное массовое вымирание видов. Погибла вся крупная дичь вроде слонов и носорогов, что подкосило гейдельбержцев и привело к их вымиранию. Свято место пусто не бывает – неандертальцы широко расселились практически в том же ареале, но продвинулись ещё севернее.

Неандерталец точно обладал нашим, человеческим геном речи, но я очень сомневаюсь, что у него существовала потребность к постоянному использованию членораздельной речи: скудный обиход неандертальца вряд ли мог требовать формирования широкой понятийной базы и сложных лингвистических конструкций. Стоит учитывать, что отсутствие разговорной речи не отменяет существования языка как такового, то есть, любой системы приёма/передачи (шифровки/дешифровки) информации: нам сегодня хорошо известны жестовые языки немых или языки спецназа. Мимика также является языком, который мы все умеем читать.

В эпоху Валдайского оледенения неандертальцы были расселены от Пиренеев до Узбекистана; но больше всего находок неандертальцев – на Ближнем Востоке. Жили они небольшими группами, строили сложные жилища. Они, действительно, «прихоранивали» своих умерших, но, скорее всего, не придавали этому процессу никаких «ритуальных» атрибутов: их могилы не содержат погребального инвентаря от слова «совсем». Всегда одна и та же поза трупоположения – на боку, в позе зародыша или спящего человека – может говорить о том, что разница между живым и мёртвым ещё не осознана: никаких парных захоронений, жертвоприношений, украшений в могилах и прочей охры. Таким образом, «ритуальная» составляющая, присущая современным людям, в неандертальских захоронениях не доказана. (12)

Ожерелье из Крапины

Если эстетические предпочтения гейдельбержца заканчивались на создании симметричных бифасов, то неандертальцы любили украшать себя: 130 тысяч лет назад, когда *Homo sapiens* в Европе ещё не наблюдалось, какой-то на редкость важный неандерталец из пещеры Крапина (Хорватия) щеголял в ожерелье из когтей орлана-белохвоста. (13)

Предположения о существовании культа медведя у неандертальцев практически опровергнуты позднейшими исследованиями. (14) Но точно известно, что неандертальцы делились добычей с физически немощными соплеменниками: иначе не объяснить, как мог выжить однорукый глухой неандерталец. (15)

За два с половиной миллиона лет *Homo* от вполне обезьяньего австралопитека эволюционировал до вполне человекоподобного неандертальца; он изобретал и улучшал технологии обработки камня, совершенствовал методики охоты, строил жилища, жёг костры, заботился о соплеменниках, любовался симметрией и схожестями. Они были очень похожи на нас, но людьми так и не стали. Неандертальцы были последними «почти людьми». На них закончилась эпоха имитативности (подражательности), которую подробно разработал Б. Ф. Поршнев в своём труде «О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии». Если считать, что одно социологическое поколение длится в среднем 30 лет, то эволюция *Homo* от австралопитека до неандертальца длилась более 83333 поколений. За это время молодое человечество изобрело всего около 15 основных категорий каменного инструмента: чопперы, чоппинги, унифасы, нуклеусы, ретушированные пластины, скребки, резцы, долотовидные орудия, проколки, скребла, выемчатые и зубчатые орудия, галечные орудия, ножи, остроконечники, бифасы; плюс – простейшее деревянное метательное копьё. И, скорее всего, дубину, постепенно превращённую в топор.

Имитативное поведение, закончившееся на неандертальцах, предусматривало создание инструмента путём копирования предшествующего образца. В отличие от *Homo sapiens*, кото-

рый предпочитает не просто копировать, но доделывать, улучшать, изменять, перерабатывать и изобретать.³

---

³ Чем выше уровень потребления, тем меньше вера авторов в собственное утверждение.

Люди: кроманьонцы и мы

Согласно второму закону диалектики, количество информации, накопленной копированием за восемьдесят с лишним тысяч поколений, обязано было перейти когда-нибудь в качество. Приблизительно 180—130 тысяч лет назад, предположительно, в Северной Африке, на месте цветущей тогда Сахары, появились те, кто станет нами: кроманьонцы. Они обладали более совершенной техникой изготовления каменного инструмента и создавали изящные наконечники из длинных и узких отщепов. Кстати, первые антропоморфные изображения, названные «венерами», соседствуют во времени с кроманьонцами и местами их распространения. (16)

«Венера» из Берехат-Рама, Израиль

Около 110—90 тысяч лет назад в пещерах Казфех и Схул, в захоронения были принесены первые «приношения мёртвым»: рога, челюсти, лопатки животных. И только у кроманьонцев появляются парные захоронения, отсутствующие у неандертальцев. Повсеместно распространяются украшения, становясь частью быта. Начинается использование охры. (17) Плейстоценовое вымирание видов продолжалось, гейдельбержцы уже вымерли, а в Европе господствовал неандерталец.

Взрыв Тоба, упомянутый выше, мог стать катализатором, подтолкнувшим эволюцию *Homo sapiens* к закреплению хладоустойчивости, отличной от неандертальских адаптаций. Буквально сразу за извержением Тоба наступила Валдайская ледниковая эпоха, изменившая не только рельеф Евразии, но и историю человечества. Третья качественная адаптация, которую можно рассматривать как (пока) последнюю, происходила в климатически-экстремальной обстановке: ледник расширялся, выпивая влагу из атмосферы, повсеместно холодало.⁴

Почему кроманьонцы выжили, а неандертальцы вымерли? Тем более, что кроманьонцы были приспособлены к холоду анатомически хуже неандертальцев, которые могли обходиться без огня. Вопрос, не имеющий ни одного ответа, но породивший массу гипотез: от каннибализма кроманьонцев, съевших неандертальцев (эдакий «геноцид» верхнего палеолита), до вулканической зимы, окончательно уничтожившей пищевую нишу неандертальцев после извержений Эльбруса, Казбека и вулканов Аппенинского хребта. (18) Кроманьонцы, в отличие от неандертальцев, повсеместно использовали огонь: это позволяло забираться севернее и выживать даже в условиях зимы, расширяя ареал существования. Значит, они либо обладали техниками добычи огня, либо умели переносить огонь с собой. Кроме того, у кроманьонцев было очевидное преимущество в мобильности: энергетические затраты на передвижение у неандертальцев были на 32% выше из-за плотного телосложения и короткой берцовой кости. Согласно расчётам Александра Соколова, основателя проекта «Антропогенез.ру», в период распространения кроманьонцев в Европе (культура ориньяк) зафиксирован рост численности человеческой популяции в 9—10 раз: на одного неандертальца приходился десяток кроманьонцев. (19) Такого соотношения хватило бы для простого генетического «размывания» неандертальцев в массе новых европейцев, тем более, что и половой отбор никто не отменял.

---

⁴ Нынешняя вирусная эпидемия COVID-19 вполне может стать причиной следующей адаптации, тем более, что на долю эндогенных ретровирусов человека или HERV (human endogenous retroviruses), осевших в человеческой ДНК, приходится около 8% человеческого генома

Начала цивилизации

Так повелось в теории цивилизаций, что цивилизацию делят на три стадии: аграрная (от возникновения земледелия); индустриальная (техногенная) и постиндустриальная (информационная), отказывая в существовании таковой собирателям и охотникам, неандертальцам и кроманьонцам одним скопом. Совершенно не замечая, что за общей схожестью кроются резкие отличия.

Наши ближайшие «родственники», неандертальцы, были очень похожи на нас – также были всеядными; делали каменный инструмент; владели копьём; умели делать жилища; использовали огонь и умели его разжигать (20); скорее всего, использовали одежду. Они точно, как и мы, любили украшения, подчёркивая собственную индивидуальность. Но при этом вполне «человеческом» наборе действий у неандертальца отсутствует целый ряд фундаментальных признаков нашей, кроманьонской, культуры.

Например, у неандертальцев отсутствует почитание мёртвых. Обычные одиночные захоронения на малой глубине, всегда в одной позе; никаких жертвоприношений: ни пищевых, ни бытовых; никакой охры; никаких обрядов и ритуалов. Отнесли и прикопали, чтобы не пахло. При этом одна и та же поза труположения: на боку, колени подогнуты, согнутые в локтях руки приближены к лицу. Фактически, это поза имитации положения спящего человека. Предположу, что для неандертальца «мёртвый» – это живой, но спящий или просто «другой», «иной», «не-такой», «который не проснётся» – не более того. Неандерталец так и не придумал мир, где «уснувший навечно» продолжал действовать, как живой. Романтизированные гипотезы о существовании ритуалов, связанных с поклонением неандертальцев тотему медведя, видимо, так и останутся научно-популярными сказками. По сути, неандерталец – это усложнённая версия гейдельбержца. Последний имитатор Земли.

Десятки стоянок кроманьонца, найденные в Африке, Европе, Азии, Америке и Австралии демонстрируют умения, присущие исключительно сапиенсу. Кроманьонцы доводят до совершенства обработку камня, изготавливая инструмент из тонких пластин. Возможно, подобного уровня обработки мог бы достичь и неандерталец, но мы этого никогда не узнаем. Кроманьонец использует кость для создания новых инструментов, например, гарпунов – наконецников нового вида, которые застревали в туловище жертвы. Костяные орудия (например, копьеметалки) он покрывает затейливым орнаментом. От Бретани до Урала распространяется искусство наскальной живописи; от Пиреней до Байкала находят статуэтки «венер» и животных.

Охота на равнинах Евразии, большей частью покрытых тундрой, процветает. По берегам рек, ручьёв и приледниковых озёр, широко осваивается водная (прибрежная) флора и фауна. В период молодого-шекснинского межледниковья потеплело, и кроманьонец устремился на Север. Стоянка Бызовая находится на 64 параллели, а стоянка Мамонтова Курья – на 67 параллели, за условным Полярным кругом. Возможно, хладостойчивость кроманьонца, в отличие от предыдущих «версий» человека, обеспечивалась не только физическими возможностями организма, но и «изобретательской» манерой мышления, обусловившей постоянное совершенствование техники обработки материалов.

Тридцать тысяч лет условного «кроманьонца» – это процесс постоянного улучшения уже известных адаптационных технологий: огня, одежды, жилища; каменного, деревянного, костяного и верёвочного инструмента. Усовершенствование и изобретение не только являют новое, но и отрицают старое: это третий закон диалектики.

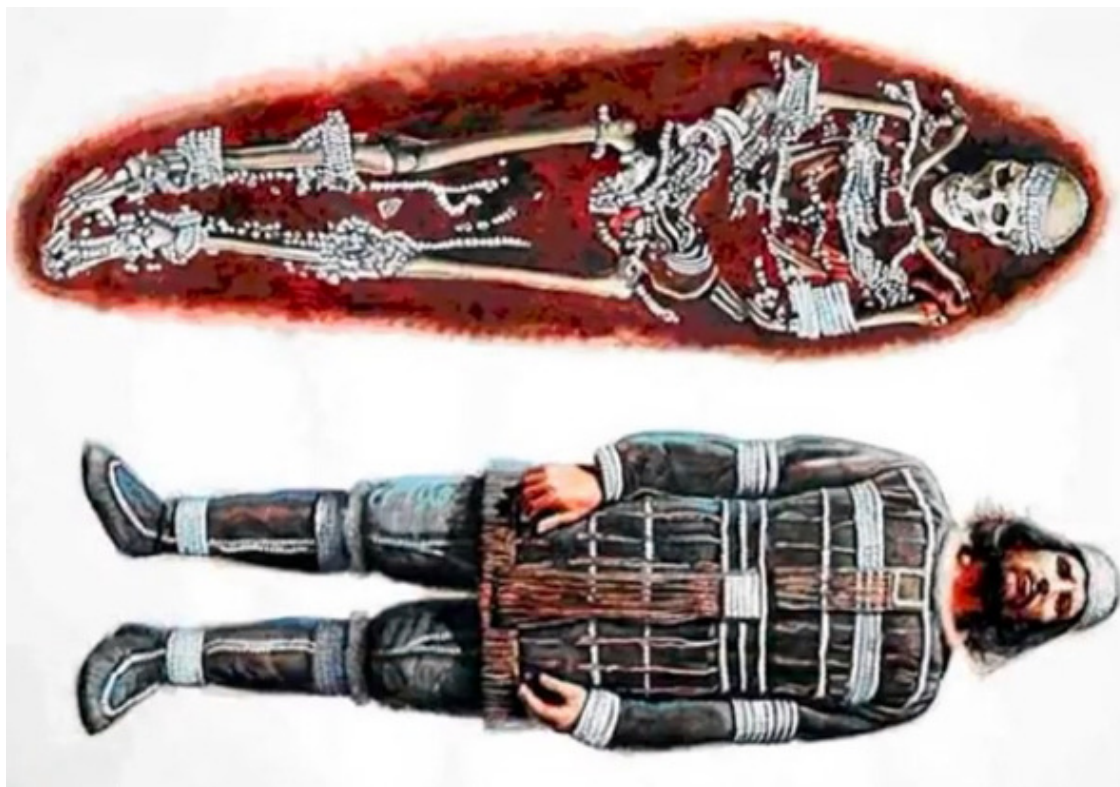
Отсюда один шаг до изобретений, принципиально новых для мира охоты. Кроманьонец придумывает копьеметалку и лук, что позволяет с меньшими опасностями добывать еду. Парадокс, но этот изобретательский подход загоняет нас в эволюционный тупик развития. Оружие

увеличивает среднюю выживаемость на охоте. Повышение выживаемости способствует росту населения Евразии. Рост населения требует освоения новых территорий с новыми видами добычи. Новый вид добычи требует новых технологий. В отличие от неандертальцев, средне-статистический *sapiens* – изобретатель и новатор.

Второе важное отличие от предыдущих эпох Номо – захоронения. Кроманьонцы используют парные захоронения ещё с Ближнего Востока (Казфех и Схул): с пищевыми жертвами; начиная с верхнего палеолита – парные, одиночные, тройные; появляется многообразие поз трупоположения; мёртвых оснащают копьями, каменными ножами, другим инструментом; присыпанные охрой, в одежде, украшенной бусами, в головных уборах, с браслетами и ожерельями. Разнообразие похоронного обряда и инвентаря, часто имеющего сугубо символическое значение, демонстрирует резко возросшую способность нового вида Номо к абстрагированию, мифологичность сознания, появление представлений о «другом» мире, где умерший также действует, и ему требуются инструменты «этого» мира. Наверняка в это время появляется лексический набор для выражения этих сложных понятий. Недаром одним из основных маркеров археологической культуры является способ погребения. Вслед за обрядом захоронения появляются обряды половозрастных инициаций, которые крепко связаны с культом умерших, предков. Эту тему более подробно мы затронем на примере святилища Большого Заяцкого острова.

Английский историк Тойнби рассматривал цивилизацию, как «определенный тип человеческих сообществ, которому присущи общие черты в области религии, архитектуры, живописи, обычаев, языка, т.е. культуры в целом». Если вычеркнуть архитектуру, в которой кроманьонцы не замечены, то отнесённое Тойнби к «культуре в целом», для кроманьонцев является бытом. Но, всё же, первый признак – это, собственно, «определённый тип человеческих сообществ».

И здесь кроманьонец также очень сильно отличается от всех предыдущих «родственников». У неандертальцев хорошо фиксируются признаки кровнородственных браков (инбриндинга): следы вырождения отчётливо читаются в патологиях костей. У самых «именитых» кроманьонцев мира, жителей стоянки Сунгирь, расположенной во Владимирской области, следы инбриндинга в принципе не найдены. (21) Предположу, что этот фактор мог быть важнейшим в эволюционной гонке: неандертальцы, в отличие от кроманьонцев, имели прямую тенденцию к вырождению.

Мужчина из Сунгирия. Реконструкция по захоронению

Вдумайтесь: минимум тридцать пять тысяч лет назад жители палеолитического Сунгирия не допускали браков между близкими родственниками. При этом племя сунгирцев могло насчитывать от 250 до 440 человек. На наш взгляд, этот факт является прямым доказательством существования социальных механизмов, контролирующих формы брака в отдельном племени. Кроме того, он свидетельствует о существовании межплеменных правил обмена женихами и невестами. Кажется очевидным, что в кроманьонских сообществах устанавливаются нормы общественного поведения, появляются социальные договорённости, формируются половозрастные социальные группы, выделяются социальные роли. Зарождается то, что немногим позже (в рамках эволюции Ното) мы назовём социумом. По крайней мере, кроманьонец ощущал пользу от социального партнёрства и приручил собаку.

Время кроманьонца – это время скачкообразного роста производства, передачи и накопления информации. По сути, это первая информационная революция, технологический и социальный взрыв, подготовленный «разгоном» периода мустье. За 30 тысяч лет развития кроманьонцев, всего за 1000 поколений, человечество продвинулось по пути прогресса намного дальше, чем за предыдущие 2,5 миллиона лет (83000 поколений). Кроманьонец был идеалом физического развития для современного человека: крепкий, высокий, физически сильный, мобильный, выносливый. Хотя, почему – был? «Мозг кроманьонцев, вероятно, мало отличался от современного человека, но зрительные поля мозга в древности были более развиты», к тому же, «около 27—25 тысяч лет назад объём мозга начал уменьшаться» (22) и, постепенно, сократился до современного объёма.

Мы, современные люди, или *homo sapiens sapiens*, отделяем себя от кроманьонца, относя его существование ближе к «варварству и дикости», чем к цивилизации. Но если бы кроманьонец родился сейчас и жил среди нас, мы бы признали его за человека своего времени. И он наверняка был бы любимцем женщин: высокий, широкоплечий, светлоглазый атлет. Отказывая им в цивилизации, мы, кажется, пытаемся забыть, что все боги современных и бывших религий вышли из кроманьонских захоронений; а живопись, скульптура и музыка – из крома-

ньонских пещер и стоянок. Скажу больше: знание, как результат познавательной деятельности человека, и открытие астрономических закономерностей, как следствие наблюдательности, тоже появляется только с историей кроманьонцев. Неандертальцам было достаточно веры в то, что предыдущая модель (инструмента, поведения, укрытия) – лучшая модель, потому что... так делали до него.

Третья критическая адаптация привела к качественному преобразованию модели «имитативного» усвоения информации; подарила нам способность анализа, синтеза и абстрагирования; создала мозг современного человека – человека-изобретателя, человека-творца. По сути, *homo sapiens* и есть первый революционер: он отказался от слепого копирования, презрев «вечные» традиции. В этот момент важно не впасть в ещё одну ересь антропоцентризма: «мы первые стали умными!» Процесс перехода количества в качество не был сознательным. В этот момент *homo sapiens* просто получил возможность развивать сознание. При этом имитативная модель никуда не делась, но адаптировалась и приобрела новые формы.

Два алгоритма – вера и сомнение

Латинское *imitatio* означает подражание, но в русском языке имеется очень показательный синоним – обезьянничанье. Один из столпов психологии, Лев Выготский, рассматривал подражание как один из важнейших факторов развития высших форм поведения человека. (23) Эксперименты 1994 года показали, что обучение ребёнка с младенческого возраста базируется на трёх китах имитации: мимической (до 6—11 месяцев), звукоречевой и жестовой (от 9—10 месяцев). (24)

При этом все младенцы до года демонстрируют две алгоритма поведения, следующие один за другим. В первую половину года младенец демонстрирует абсолютную и полную доверчивость ко всем людям. (25) К двум месяцам любой младенец выделяет родителей и реагирует улыбкой на улыбку. Улыбка также является реакцией на «знакомых». С небольшой задержкой, но та же реакция относится к незнакомцам. Алгоритм «доверчивости» обеспечивает восприятие внешней информации без объяснений или доказательств. Так звери и птицы «учат» своё потомство: повторенье – мать ученья. На базе усвоенного строятся основные паттерны поведения, действующие всю жизнь. С точки зрения обработки информации, это централизованная система, где все данные стекаются в единый центр принятия решений.

Владимир Соловьёв определял веру как «признание чего-либо истинным с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств». Алгоритм «доверчивости» действует в рамках формулировки Соловьёва: принимает всю внешнюю информацию без доказательств. Имитация, централизованная обработка, вера – по сути – синонимы, обозначающие механизм первичной социальной адаптации, формирующей понятие «свой».

В семь-восемь месяцев включается второй алгоритм: в ответ на появление незнакомца младенец реагирует плачем, определяя его как «чужого». (25, там же) Так на простейшем уровне выражается алгоритм оценки и ранжирования внешней информации. Здесь информация частью отрицается или временно игнорируется; частью согласуется с основными паттернами; частью образует собственные подпрограммы. С точки зрения обработки информации, это распределённая система, где решение корректируется на основе обновляющихся источников. В отличие от первого алгоритма здесь вся информация подвергается первоначальному сомнению. Это и есть процесс познания – антагонизм веры.

Оба алгоритма (или системы обработки информации) сосуществуют в каждом человеке всю жизнь. Исследователь Алексей Двойнин так говорит о двух «верах»: «Первая группа феноменов, традиционно обозначаемых как „вера“, связана с когнитивными операциями установления истинности некой информации. Вторая группа феноменов, обозначаемых как „вера“, – это феномены глубокой личностной убежденности в чём-либо.» (26)

Так почему же кроманьонцы стали способны к абстрагированию, изобрели сложнейшие украшения, обряды, искусство, социальные группы? Возможно, ответ лежит на поверхности. Неандерталец был склонен действовать в рамках первого алгоритма, имитативного, основанного на централизованной обработке информации или «вере». У кроманьонцев превалирует второй алгоритм, основанный на сомнении и предназначенный для быстрой обработки больших массивов информации. Как показала цифровая революция, распределённая обработка данных особенно хороша для создания новых технологий. Кроманьонец первым научился распределять информацию: сомневаться, отвергать, временно игнорировать, оценивать, ранжировать, сопоставлять разницу в базах данных, делать выводы и создавать новые технологии. Здесь прошла граница, где повторяемое действие становится социальной группой, язык превращается в речь, а особенности веры закрепляются общественным договором или «религией».

Кстати, существует две гипотезы происхождения слова «религия» в латинском языке. Согласно первой, глагол religare образован из приставки re (означающей повторение) и глагола ligare, формы глагола ligo, произошедшего от праиндоевропейского leuǵ – «связывать». Вторая гипотеза гласит, что «религия» является производной от глагола relegere, образованного той же приставкой re и глаголом lego, происходящим от праиндоевропейского leǵ, означающего «собирать». Так или иначе, религия человека «собирает и связывает», то есть – определяет его принадлежность. К чему?

Сунгирь: социум, верования, речь

Изотопный анализ пищевых предпочтений знаменитого парного захоронения мальчиков из Сунгирия показал, что один мальчик питался, как и всё племя, очень хорошо. Диета его состояла, в основном, из мяса. Он ел, бывало, рыбу, не брезговал растительной пищей, но мясо любил очень. Второй мальчик из захоронения лишь иногда ел рыбу и растительность, но мяса не ел совсем. При этом – не голодал: его скелет не несёт признаков голодового стресса. Основу его рациона составляли беспозвоночные: жучки, паучки, червячки, гусенички. Мальчики жили в одно время, в одном племени и похоронены в одной могиле. Один ел мясо, второй – червяков. Судя по износу суставов, первый совершал движения гарпуном, а второй всегда сидел на корточках. Рядом с любителем червяков лежал футляр для охры, сделанный из кости человека, который тоже ел беспозвоночных и был... пра-пра-пра-дедушкой мальчика! Очень необычная традиция пищевой лимитации группы людей, возможно – мужчин отдельной родовой линии. (27) Предположу, что это и есть начало религий: демонстрация принадлежности к социальной группе, связанность общественным договором, «чувство локтя», если хотите.

Мальчики Сунгирия. Реконструкция по захоронению

Анализ зубов животных из украшений неандертальцев и кроманьонцев, живших почти одновременно и почти рядом, показывает, что они предпочитали разные зубы одних и тех же животных. Если в какой-то местности неандерталец чаще использовал в ожерелье премоляр, то кроманьонец – резец. И наоборот. Возможно, уже во времена соседства кроманьонцев и неандертальцев украшения превратились в знаки, фиксирующие стандартные (массовые) различия. Предположу, что язык украшений (или язык отличий, если хотите) широко распространился во времена кроманьонцев, подобно английскому, распространившемуся в XVIII – XXI веках. Учитывая традицию межплеменных скрещиваний, язык украшений мог быть межплеменным, универсальным. Насколько далеко простирались границы первых языков?

Сегодняшняя религиозная культура, выросшая из двух мальчиков Сунгирия – Аина и Кавеля – предлагает один, одинаковый для всех алгоритм. Для «достижения веры» требуется:

- признание догматов без формально-логических доказательств;
- звукоречевая имитация (песнопения, молитвы, мантры, заклинания и пр.);
- жестовая имитация (позы, жесты, танцы);
- мимическая имитация (суровая морда или, наоборот, улыбающаяся рожица).

Ещё лучше, если все адепты будут одинаково одеты, обриты и украшены. В общем, «будьте как дети» до семи месяцев, используйте имитативную модель поведения и доверяйте пастырям: они плохому не научат, ибо «так деды завещали». Несомненно, вера способствует сохранению традиций и развитию консерватизма. А консервы, простите, дело вкуса.

Захоронения Сунгиря усыпаны тысячами бус, которые нашивались на одежду и головные уборы. Резные фигурки, найденные там же, могли использоваться как подвески или нашивки. Наверняка, вышивка была сложной и включала детали орнамента, присущего именно этому племени. Современник, встретивший жителя Сунгиря, по украшениям и орнаменту с лёгкостью мог сказать, какой половозрастной группе принадлежит (мальчик/девочка; старик/взрослый/юнец/ребёнок); в какую социальную группу входит (рыбак? охотник? червеед?); кто его родители (род); каков его семейный статус (женат/не женат; есть дети/нет детей); удачлив или нет он в своём деле; путешествовал ли он. И, возможно, ещё массу другой полезной информации, которая нам сегодня и в голову прийти не может. К мимическому, жестовому и «криковому» языкам, добавился новый, четвёртый способ передачи информации, получивший толчок к развитию именно во времена *Homo sapiens*: количество находок украшений у кроманьонцев по сравнению с неандертальцами отличается на порядки.

Богатейшие захоронения Сунгиря, дали не только массу новых знаний; но и породили бездну новых предположений, на одно из которых мы хотим обратить внимание. Обилие похоронной символики, масса украшений, очевидная пышность и сложность обряда, родовые пищевые лимитирования, специфичность предметов, взятых в загробный мир, и даже родственные связи предметов и похороненных, заставляют предположить, что за этим «ритуальным» набором кроется глубоко разработанный корпус лексических понятий, описывающих правила «жизни» после смерти и, возможно, иерархию «мира мёртвых» или «мира предков».

«Алгоритм сомнения» порождает смысловые различия, которые необходимо было сохранять и транслировать для дальнейшего использования: количество информации росло в геометрической прогрессии. Учитывая, что смысловая «ёмкость» предыдущих четырёх языков существенно ограничена, появились эволюционные предпосылки для создания нового вида языка. Очевидно, что в какой-то момент случился качественный переход от четырёх языков (мимика, жест, крик/возглас, украшение/рисунок) качественно новому языку. Новый язык (пятый по счёту) должен был обеспечить потребности в накоплении, хранении и передаче информации в условиях её экспоненциального роста. Устная речь как нельзя лучше обеспечивает потребности человечества в накоплении и передаче информации; она способна вечно хранить больший объём смыслов, чем любой материальный носитель, потому что нематериальна; объём понятий и смыслов постоянно растёт и, возможно, стремится к бесконечности; речь адаптируется к любым внешним изменениям.

Каждая предыдущая критическая адаптация *Homo* была ответом на какой-то эволюционный вызов, решая задачи выживания. Если алгоритм сомнения рассматривать основным эффектом третьей критической адаптации, то устная речь является важным следствием этого эффекта. Размышляя беспристрастно, наличие гена, дающего возможность речи и анатомические особенности, делающие речь технически возможной, не являются доказательством её использования. Речь, как процесс вербализации и озвучивания мысли, по идее, должна была появиться позже языка украшений, или развиваться параллельно, но не раньше.

Около 20—18 тысяч лет назад ледник достиг очередного максимума, после чего наступило следующее межледниковье, в котором живём мы. (28) Посмотрите в зеркало – вы видите слегка измельчавшего кроманьонца, живущего в условиях потепления. Вы – следствие трёх критических (и десятков не критических) биологических адаптаций, произошедших за 2,5 миллиона лет в результате аридизации (осушения) планеты и похолоданий. Похолодания неизбежно приводили к изменениям пищевого рациона, вызывая физиологические

адаптации, самые успешные из которых закреплялись в биологические. Надеюсь, вы не думаете, что на вас эволюция остановилась?

Говорят, что девушку из деревни вывезти можно, но вывести деревню из девушки – никогда. Первый и второй алгоритмы обработки внешней информации взаимодействуют в нас четвёртый десяток тысяч лет. Они лежат в основе двух описаний окружающей нас действительности. Вера породила многочисленные обряды и религиозные системы, централизацию, каноны, традиции, философские системы. Сомнение множит знания, знания становятся общими, изменяя каноны и нарушая традиции. К чему это всё? Все древнейшие памятники мира – геоглифы, мегалиты, пирамиды, лабиринты – могут быть объяснены (в крайних формах) только в рамках первого либо второго алгоритмов. В этой книге мы попробуем пройти «между верой и сомнением», и потому предполагаем вполне законное возмущение сторонников обоих алгоритмов.

Разум и лабиринты

История изучения северных лабиринтов

Северная часть Европы с запада на восток, от архипелага Силли (Британия) до архипелага Новая Земля (Россия), в буквальном смысле покрыта каменными выкладками – лабиринтами и каменными кучами. Поморы, жившие по берегам Белого моря, называли эти спиралевидные каменные сложения «вавилонами». В «Истории Государства Российского» Карамзин приводит легенду, записанную в 1592 году русскими дипломатами, дьяком Г. Б. Васильчиковым и князем С. Г. Звенигородским: «А в Веренге, на побоище немецком... на славу свою принесши с берегу камень в вышину от земли есть и нынче больше сажени, а около него подале выкладено камнем как бы городской оклад в 12 стен, а назван был у него тот оклад Вавилоном...». (29)

В научном мире первое упоминание о «вавилонгах», расположенных на острове Вир и на реке Поной, было сделано академиком К. М. Бэрмом. В своём докладе, состоявшемся в 1842 году, он назвал осмотренные каменные спиралевидные кладки «лабиринтами». (30) В 1877 году первый финский археолог Иоганн Аспелин описал около 50 лабиринтов, сгруппированных на севере Ботнического залива, на островах и в прибрежной линии. (31) В этом же году археолог и художник А. В. Кельсиев описал мурманские и соловецкие лабиринты для Антропологической выставки, но, к сожалению, материалы пропали. Известный путешественник А. В. Елисеев в своём трёхтомнике «По белу свету...», изданном в 1883 году, писал: «Гораздо более (чем в Финляндии) этих сложений по северным берегам России; берега Ледовитого океана и особенно Белого моря изобилуют вавилонгами». В 1900 году понойские лабиринты были осмотрены любителем-коллекционером П. Ревой. Он же раскопал один из них, но ничего не нашёл. В 1904 году академик А. А. Спицын сформулировал проблематику изучения лабиринтов, поставив вопросы о датировках, культурной принадлежности и назначении лабиринтов, а также предложил первую классификацию спиралевидных памятников, разделив известные лабиринты на 5 типов. (32) В 1914 году С. Н. Дурьлин так описал кандалакшский лабиринт: «Сложность и кажущаяся одинаковость рисунка во всех его частях скрывают «секрет» вавилонга во время ходьбы по его извилинам, и в этом смысле он является настоящим лабиринтом, несмотря на то, что ходы его видны, и через них легко перешагнуть». (33) Несомненно, каждый из исследователей пытался выдвинуть свои предположения о назначении лабиринтов и их датировках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.